

УДК 82.09-93
ББК 83.801

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-4-31-39

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИРИЧЕСКОГО ПЛАНОВ В ПОВЕСТИ Р. И. ФРАЕРМАНА «ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ»

О. Н. Челюканова

Аннотация. В статье рассматриваются явления художественного и внутрилитературного синтеза в стиле Р. И. Фраермана. Автор приходит к выводу, что в повести «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» многоаспектный синтез становится значимым смыслообразующим стержнем, позволяет писателю видеть разные плоскости жизни, изображать одни и те же предметы и явления одновременно с двух разных точек зрения: возвышенно-поэтической и реально-прозаической, давая им сразу и переносное, и прямое осмысление. Лиризации прозы Фраермана способствует обращение автора к возможностям художественного синтеза. Поэтический мир Фраермана характеризуется своеобразной взаимопроницаемостью разных жанровых структур, в ряду которых одно из существенных мест принадлежит сказочной модальности. Обращение к жанровому канону сказки вскрывает мифопоэтические основы его поэтического мышления, восприимчивость к архетипическим образам-символам. Писатель удачно и весьма продуктивно использует возможности синтеза, чему свидетельствует ассоциативный строй, композиция, система персонажей, совокупность мотивов и тем.

Ключевые слова: детская литература, повесть, жанр, сказка, рождественский рассказ, лиризация, психологизм, музыка, экранизация.

Для цитирования: Челюканова О. Н. Взаим обусловленность психологического и лирического планов в повести Р. И. Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» // Наука и школа. 2024. № 4. С. 31–39. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-4-31-39.

© Челюканова О. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

INTERDEPENDENCE OF PSYCHOLOGICAL AND LYRICAL PLANES
IN THE STORY “WILD DOG DINGO, OR THE TALE OF FIRST LOVE”
BY R.I. FRAERMAN

O. N. Chelyukanova

Abstract. *The article discusses the phenomena of artistic and intra-literary synthesis in the style of R. I. Fraerman. The author comes to the conclusion that in the long short story “Wild Dog Dingo, or The Tale of First Love” multidimensional synthesis becomes a significant semantic core, allows the author to see different planes of life, to depict the same objects and phenomena simultaneously from two different points of view: sublime and poetic versus real and prosaic, giving them immediately both figurative and direct meanings. The lyricization of Fraerman’s prose is facilitated by the author’s appeal to the possibilities of artistic synthesis. Fraerman’s poetic world is characterized by a peculiar interpenetrability of different genre structures, among which one of the essential places belongs to the fabulous modality. The appeal to the genre canon of the fairy tale reveals the mythopoietic foundations of the author’s poetic thinking, susceptibility to archetypal images. The author successfully and very productively uses the possibilities of synthesis, which is evidenced by the associative system, composition, character system, combination of motives and themes.*

Keywords: *children’s literature, long short story, genre, fairy tale, Christmas story, lyricization, psychologism, music, film adaptation.*

Cite as: Chelyukanova O. N. Interdependence of psychological and lyrical planes in the story “Wild Dog Dingo, or The Tale of First Love” by R. I. Fraerman. *Nauka i shkola*. 2024, No. 4, pp. 31–39. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-4-31-39.

Тема пробуждения романтических чувств, первой любви занимает особое место в литературе для детей и юношества. Писатели разных эпох проникновенной зоркостью своего таланта осознавали потребность подростка в такой книге, которая увлекает не столько остросюжетным повествованием, сколько глубиной переживания изображаемых событий, в той или иной мере созвучных личной истории. Обращаясь к сокровенным чувствам юного героя, художники слова сосредотачивали свое писательское внимание на перипетиях его внутренней жизни, проявляли интерес к вопросам духовного содержания жизни подростка. Обостренная исповедальность, диалектика души, тонкий психологизм, сосредоточенное внимание к внутреннему миру человека формируют лирический сюжет таких книг. В произведении доминантным оказывается не радиоцентристское начало, а лирико-философское. Все это приметы лирического жанра.

Этот жанр совершенствовался под пером таких мастеров детской прозы, как Лидия Чарская, Аркадий Гайдар, Вениамин Каверин, Александр Грин и др. Особое место в этом ряду занимает творчество Рувима Исаевича Фраермана (1891–1972). В повести «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» (1939) отразились художественные процессы юношеской прозы 1930-х гг.: нравственные запросы и искания подростков того времени, процесс пробуждения деятельной духовной силы в юном человеке, образ эпохи с ее нравственными и эстетическими приоритетами.

Название повести имплицитно связано с проблематикой книги. Согласно истории, австралийская дикая собака динго многие века служила верным помощником аборигенам материка, однако со временем была брошена человеком. Одиравшие и не всегда сытые динго почти никогда не нападают на человека. А если человек предаст человека, где найти силы простить? И нужно ли прощать? Этот и многие другие вопросы придется решить Тане Сабанеевой, героине повести Р. Фраермана.

Р. Фраерман признавался, насколько сложно сложить первую фразу книги. По его мнению, именно она «имеет решающее значение и определяет тон всей вещи, ее ритм». И еще: «Я долго раскачивался перед тем, как начал писать “Динго”» [1, с. 4]. Что же задает тон повести, какова ее увертюра?

Читатель встречает Таню на берегу реки. Она ловит форель, поет, мечтает о дальних странах и австралийской собаке динго, о том, чтобы стать пилотом. Однако водяная крыса отвлекает девочку своей хлопотней. Образы реки, форели, песни, крысы функциональны в экспозиции повести. Каждый из этих образов приглашает в то затекстовое инициальное пространство, в котором и происходит незримая встреча автора с читателем, его нравственное испытание, психологический тренинг. В этом сотворчестве залог жизнестроительности книги.

Важная особенность индивидуального стиля Фраермана – лиризация прозы [2]. Его творчество не измерить мерками прозы. В душе писателя «живет какой-то поэтический фон, не имеющий определенных очертаний. Это та река поэзии, без которой литература невозможна» [3, с. 102]. Он наделяет свои произведения свойствами, характерными для лирики. Сюжет повести «вбирает» лирическое начало, выступающее организующим компонентом внутренней формы произведения [4]. Только в контексте такого восприятия прозы Фраермана становится понятным почти сказочный зачин повести, в котором заложено зерно сюжета, намечен ведущий конфликт: образ рыбы – жизнеутверждающий символ в христианстве и крыса – хтоническое существо, чуждое созидательного начала: добро и зло. И юная Таня между светом теплых чувств и тенью обид, ревности и непонимания.

Экспозиция аллюзивно отсылает читательскую память к рассказу А. Гайдара, друга Фраермана, «Голубая чашка» (1936). Это почти сказочная, глубоко лиричная история о злых обидах-мышях, которые нарушили семейный покой, и голубой чашке – символе незамутненного чувства, семейных ценностей. К слову, крыса по ходу повести обернется мышью, завернутой в бумагу, – Филька подсунет ее под видом лакомства разлучнице Жене: зло должно быть наказано. Исполненная ревности Таня спрячет эту мышь за пазухой. Образ рыбы также еще не раз возникнет на страницах повести: это и неудавшаяся рыбалка при замечательном клеве, и обреченная на жарку золотая рыбка из аквариума – подарок Коли. Мятающаяся между любовью и ревностью, надуманными обидами девочка не сразу готова побороть гордыню, эгоизм и самолюбие. Что примечательно, оба произведения задумывались в Мещерском крае, в селе Солотче Рязанской области, в доме художника и гравера И. Пожалостина. Они рождались в бурных дружеских спорах писателей-конотоповцев А. Гайдара, В. Гроссмана, М. Лоскутова, К. Паустовского, А. Платонова, А. Роскина и др. К. Паустовский, близкий друг и сосед Фраермана по Солотче, вспоминал: «Нас объединила любовь к поэзии и литературе. Мы просиживали ночи напролет в моей тесной камерке и читали стихи. <...> Мир для нас существовал как поэзия, а поэзия – как мир...» [5].

В своей статье-предисловии «...Или повесть о первой любви» Фраерман поведал читателю о тайне рождения замысла своего произведения: «Как же все-таки возникло желание писать книгу про первую любовь? Это ведь тоже своеобразный, таинственный процесс. <...> И вот какая-нибудь встреча, ночевка в лугах с бесконечными разговорами, осенняя луна, спящие стога, роса, чей-то далекий голос на Оке... и образы зароятся, как пчелы. И словно ты уже ясно видишь героев своей повести» [1, с. 4]. Рожденные в такой поэтической атмосфере, герои книги впитали не только суровое очарование Дальнего Востока, но и заповедную красоту Мещерской стороны, и душевную щедрость ее обитателей. В повести в общем-то даже и нет отрицательных героев, а все положительные выписаны автором с глубокой любовью и деликатно тонким, лиричным проникновением в мир юношеских чувств, мыслей, душевных переживаний, личной тайны. Ведь, по мысли писателя, истинная любовь всегда «одухотворена поэзией» [3, с. 88].

Время создания повести совпало с периодом руководства Фраерманом литературным кружком Дома пионеров в Москве на улице Стопани. Общение с молодежью дало еще один импульс к написанию повести о первой любви. Проникнутые творческими поисками любимого педагога, девочки-ученицы приносили ему личные дневники и исповеди своих сердец. Возможно, через соприкосновение с ними Фраерман сумел психологически тонко выписать образ своей юной героини – Тани Сабанеевой.

К. Паустовский писал: «Книга Фраермана “Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви” – это полная света, прозрачная поэма о любви между девочкой и мальчиком. Такая повесть могла быть написана только хорошим психологом. Поэтичность этой вещи такова, что описание самых реальных вещей сопровождается ощущением сказочности» [5]. А литературовед Б. Камов и вовсе называет Фраермана добрым сказочником и мудрецом [3].

В самом деле, повесть овеяна памятью жанра сказки: почти сказочный Дальний Восток, влюбленная Таня в поиске взаимного чувства, буран как сказочный антагонист – с ним вступает в неравную схватку мужественная девочка, и не только с ним, но еще и со своей ревностью и обидами, а преданный ей Филька олицетворяет собой волшебного помощника: «...вспомни обо мне, если потребуется тебе крепкая рука, или аркан, которым ловят оленей, или палка, которой я научился владеть хорошо, охотясь в тайге за дикушами» [6]. И, конечно же, выбор пути: и не только через буран к теплому дому, но и сквозь обиды и разочарования к самой себе обновленной.

Этот непростой путь, сопряженный с выбором, не раз приходилось пролагать самому Фраерману, когда он бился с семеновцами, японскими интервентами и анархистами в Николаевске-на-Амуре; когда совершал тяжелейший партизанский рейд сквозь глухую дальневосточную тайгу; когда он, уже немолодой и болезненный, вступил в московское ополчение, а потом ушел на фронт корреспондентом газеты «Защитник Отечества». Его жизненный выбор всегда был продиктован нравственным долгом и любовью к людям. Да и сам Фраерман сродни сказочному герою – немного чудак. «Что-то непосредственное, детское жило в душе Фраермана» [3, с. 86], – вспоминала супруга писателя. «Вы Диккенсовский чудак» [3, с. 86] – так характеризовал Фраермана его друг академик Е. В. Тарле. Большинство фраермановских героев – чудачки, исполненные мечтаний, и романтики, максималисты в нравственных установках. Их неординарное поведение не вписывается в общепринятые стандарты поведения. Так, няня укоряет Таню Сабанееву:

«– Думная ты уж очень.

– Это что же значит? – спросила Таня. – Умная?

– Да не умная, а думаешь много, отчего и подуравей выходишь» [6].

Ей вторит учительница: «Какая ты, однако, странная!» [6].

Повесть Фраермана – новогодняя повесть, унаследовавшая в советское время черты святочной, рождественской истории. На принадлежность повести Фраермана к святочному жанру, помимо ее приуроченности к зимнему праздничному циклу, указывает ряд характерных примет: мотив искушения, мотив чуда, мотив преображения, искупительной жертвы, всепрощения, примирения, раскаяния, нравственного перерождения. Хаос – чудо – гармония – вот та схема, которая держит сюжет повести. Логика сюжета, согласно закону жанра, подчинена идее преодоления несовершенства, дисгармонии жизни. Черты этого жанра, трансформированного в новогодний рассказ, мы встретим, например, у А. Гайдара в его знаменитом рассказе «Чук и Гек». Центральное событие, буран, – это испытание девочки на стойкость и мужество. Тане пришлось пройти сложный путь от искушения ревностью и обидами к покаянию и внутреннему преображению. Фраерман подчеркивает мысль: настоящая любовь – это жертвенная любовь. И Таня готова пожертвовать собственным здоровьем и даже жизнью ради спасения любимого человека. Таня говорит Коле: «...я не бурана боюсь, я боюсь за тебя. Я знаю, что это опасно, и я останусь здесь с тобой» [6].

Фраерман, прошедший войну и революцию, хорошо знает цену подвига. Он рисует его панорамно: это и самоотверженная Таня, спасающая попавшего в беду друга, это и пограничники, вместе с Таниным отцом в беспросветной пурге спешащие на помощь детям, это и тщедушная с виду и уже немолодая собачка Тигр, беззаветно любящая свою хозяйку и отдавшая за нее свою жизнь. И тут же святочное переплетается со сказочным (вспомним русскую народную сказку «Морозко»): две девочки, Женя и Таня, перед лицом испытания – одна с честью его выдерживает, другая проявляет слабость.

Сказочный герой нередко в награду за свои подвиги обретает внешнюю красоту и новый наряд. Таня, напротив, в конце повести лишается своего прекрасного платья и идет на свидание в простеньком медицинском халате. Читатель в недоумении. Но тут берут верх законы святочного жанра: они тоже требуют преображения, но уже духовного: Таня срывает с себя покровы гордыни, самолюбия (то самое платье), меняет нарядное на, казалось бы, «нелепое». Девочка бессознательно выбирает благородное облачение – одежду представителей самой гуманной профессии. Примерив на себя халат, она словно испытывает на себе незримое воздействие врачевания, только не физического, а духовного. Таня исцеляется от всего наносного, губительного для души. В финале повести имя Тани окажется на груди Фильки в ореоле весеннего загара. «Я каждое утро прихожу сюда и даю солнцу жечь мою грудь, для того чтобы имя твое оставалось светлым» [6], – признается Филька, этот преданный Санчо-Панса, бескорыстный «волшебный» помощник. Впитавшее солнечное, небесное, горнее, имя символизирует торжество ангельского в душе героини.

Сказочное в повести переплетается с мифологическим. Как представить читателю средней полосы России букет саранок? Что это за цветы? Почему именно их несет Таня к пароходу? А ведь и они ключ к пониманию образа главной героини. Латинское название саранки – «мартагон», то есть лилия, родившая Марта, бога войны. Обожженное давней обидой, Танино сердце еще не готово к прощению отца и принятию его приемного сына.

Повесть Фраермана незримо связана с литературной традицией. Проницательный читатель «уловит» в повести и «Снежную королеву» Г. Х. Андерсена, и Гайдаровского «Чука и Гека», и ответ лирических произведений Л. Чарской. В кольце литературных ассоциаций предстает образ дошки, подаренной Тане Сабанеевой отцом. Оказавшись жертвой ревности и клеветы, Таня была осуждена и высмеяна в школьной газете. Писатель передает психологическое состояние героини через затоптанную ногами одноклассников новую белоснежную шубку, созвучную образу души девочки (даже на уровне созвучия слов «дошка»-«душа»): «По ней ходили. И никто не обращал внимания на сукно и бисер, которыми она была обшита, на ее выпушку из барсучьего меха, блестящего под ногами, как шелк» [6]. Дошка оказывается в аллюзивном кольце литературных ассоциаций: здесь и растерзанное толпой сердце горьковского Данко, и горящее на костре платье-чучело Ленки Бессольцевой из повести В. Железникова «Чучело».

С М. Горьким у Фраермана особые отношения: в годы голодных юношеских скитаний по Амуру горьковское «Детство», прочитанное старателям и ошеломившее их своей жизненной правдой, даровало ему кусок хлеба с салом, добрых друзей и посильную работу в артели [3]. Обо всем этом напишет он в автобиографической прозе (рассказ «На реке»). О своей личной встрече с классиком поведает и восьмиклассник Коля из повести «Дикая собака динго...». Образ М. Горького расширяет ассоциативное поле повести, насыщая ее духом романтики, героизма и утверждением человеческого достоинства.

Фраерман очень тонко чувствовал музыку. Произведения писателя всегда «превосходно оркестрованы». И не кажется случайным, что в его кабинете на над письменным столом висел портрет Бетховена. Фраерман проверял текст на слух, он фразу выпевал, пока она сложится. Писатель часто повторял мысль С. Маршака: «Образ, поэтическая мысль – это тонкая, трепетная вещь. <...> ...Недаром говорят, что у поэта мысль рождается из музыки, из мелодии, которая звучит в голове, и он ее слышит. И в хорошем рассказе, как и в стихе, – каждое слово весит пуд и знает свое место» [3, с. 90].

Повесть «Дикая собака Динго...» настолько лирична и мелодична, что создается впечатление, что Фраерман выстраивал свое литературное произведение по законам музыкального. Образ тонко чувствующей души передан через песню и гармоничные созвучия в природе, тогда как душевная черствость и глухота отзываются неблагозвучием обстановки и диссонансами в природном мире. Чуткий к музыке читатель воспримет повесть как симфонию. Симфонически выстроен путь главной героини через полифонию внутренней борьбы, напряженные аккорды преодоления гордыни, своеволия, сквозь пронизанные драматизмом маршевые ритмы пурги-испытания к торжественной коде – победе над своими сомнениями, душевным разладом и смятенностью чувств. И не кажется удивительным, что уже в наши дни по мотивам повести музыкальные театры ставят мюзиклы, полные пронзительных лирических мелодий, искрометного юмора и обжигающих современных ритмов.

Овеянный музыкой образ повести «Дикая собака Динго...» будет и сам воспет в трогательных строках поэта-песенника Николая Добронравова, написанных им на уход из жизни Рувима Исаевича в 1972 г. Эту песню исполнит Большой детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

Повесть Фраермана была написана в грозные годы, когда тяжелая поступь войны уже была слышна у наших границ. Вспомним, зимой, когда выпал снег, Таня лепит на школьном дворе не обычную снежную бабу, а часового с винтов-

кой и примкнутым штыком. Писатель, сам прошедший суровые годы военного лихолетья, готовил своего читателя к грядущим жизненным испытаниям. Ему хотелось рассказать «что-то хорошее о том, как много в жизни прекрасного, ради чего можно и нужно пойти на жертвы, на подвиг, на смерть. Показать очарование первых робких встреч, зарождение любви высокой, чистой, готовность умереть за счастье любимого, за товарища, за того, кто с тобой плечом к плечу, за мать, за свою Отчизну» [1, с. 4]. Юные герои повести «Дикая собака динго...» – Таня, Филька, Коля – проявляют мужество, сострадание, великодушие в сложных жизненных обстоятельствах. А их подростковые ровесники – первые читатели книги, вдохновленные заветами любимого писателя, проявят беззаветную храбрость в годы Великой Отечественной войны. Вне всякого сомнения, прочитанная в ранней юности книга Фраермана внесла свою лепту в духовное становление будущих героев.

Стоит отметить, что и сама книга пережила серьезные испытания. Восторженно принятая читателем, она вызвала разногласия критики: от горячего одобрения до самых жестких обвинений. Уже сама публикация повести на страницах лучшего по тем временам литературно-художественного журнала «Красная новь» – свидетельство ее высоких художественных достоинств. Однако были и другие отзывы. Фраермана обвиняли в реакционности, усматривали в повести ложные проблемы. Так, один из критиков заявлял: «Фраерман написал романтическую, далекую от советской действительности повесть, в которой грустит об уходящем детстве и идеализирует дикое состояние» [3, с. 128]. Более того, он упрекал редакцию журнала в том, что она напечатала повесть, в которой «утверждается идея возврата к первобытной природе, к первородному инстинкту, к примитивной, натуральной жизни» [3, с. 128].

Споры были острыми, но книга выдержала испытание временем. Прошли годы, и книгу снова начали переиздавать массовыми тиражами, которые доходили до шестисот тысяч экземпляров, но спрос на нее все равно был велик. Как писал Фраерман, время «не старит хорошую книгу. Оно придает ей небывалую красоту. Есть книги, которые живут тысячи лет. Они свежи, как юность, чисты, как детство» [7]. К таким книгам с полным правом можно отнести и повесть «Дикая собака динго...».

Вскоре после выхода повести в свет по ее мотивам был поставлен спектакль в московском театре юного зрителя. Н. Евдокимов, участник литературного кружка Фраермана, впоследствии известный писатель, вспоминал: «Рувим Фраерман был провидцем: он не знал ничего о моих отроческих страданиях и размышлениях, но населил земной мир теми же чувствами и теми же мечтаниями, которые обуревали меня. Он словно бы открыл мне меня самого, поняв меня» [3, с. 107].

В 1962 г. повесть была экранизирована на киностудии «Ленфильм» режиссером Юлием Карасиком. И сразу картина начала свое триумфальное шествие по международным кинофестивалям: лента была отмечена высокими призами в Лондоне (1963) и Вене (1963), а на фестивале в Венеции получила «Золотую пальмовую ветвь» (1962). Сразу после премьеры фильма киновед Ан. Вартанов в популярном тогда журнале «Советский экран» писал: «Фильм “Дикая собака Динго” выступает за любовь – против безразличия, за взволнованность – против безмятежности, за настоящую молодость – против духовной дряхлости, за умение во всех проявлениях жизни видеть поэзию!» Нежная песня Новеллы Матвеевой из радиоспектакля, поставленного за месяц до кончины писателя, даже

спустя десятки лет трогает души и мечтателей-школьников, и не растративших «детскости» взрослых.

Фильм Ю. Карасика коррелирует с экранизациями произведений писателей-шестидесятников – «Дубравка» (1960) Р. Погодина, «Эхо» (1964) Ю. Нагибина, «Игра в красавицу» (1968) Ю. Яковлева – парафразирующими проблемы, затронутые в повести «Дикая собака Динго...». Положенные на язык кинематографа, эти киноверсии в совокупности образуют единое диалогическое пространство, приглашающее юных читателей и зрителей к обсуждению насущных вопросов: дружбы и предательства, красоты и безобразия, одухотворяющей силы искусства и природы. Можно вполне утверждать, что в совокупности эти картины образуют своего рода кинотетралогию со своим сквозным метасюжетом, идейной общностью и схожим арсеналом выразительно-изобразительных средств поэтического кинематографа.

При всей необыкновенной популярности «Дикой собаки динго», было бы несправедливо назвать Фраермана автором только одной повести. В его творческом багаже не один десяток книг, наполненных искренностью мыслей и чувств. Как вспоминал К. Паустовский, Фраерман «писал много и везде оставался верен самому себе: везде у него люди с их разными характерами. Они хороши именно тем, что они хороши и разные» [5].

Сама биография Фраермана может быть прочитана как захватывающая, полная драматических событий книга. Перипетии жизни писателя, ее суровые «университеты» дали богатый и разносторонний материал для творчества. Люди, знавшие и любившие Фраермана, называли его «веселый спутник», «добрый и чистый талант», «нежный талант», «светлый человек», «добрый сказочник и мудрец». «Рува, Рувчик, Рувец» – так звали его друзья. Добрым старшим другом стал Р. И. Фраерман и для юного читателя. Он на равных беседует с ним о самом важном, самом сокровенном: «В жизни случается все: и горе, и болезни, и обиды, и всякие другие невзгоды, – говорит он. – Но настоящий человек защищен и в беде вечными непреходящими ценностями: верностью идеалам, умением любить и верить, наслаждаться прекрасным, быть стойким в труде, в борьбе за правду» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фраерман Р. И.* Дикая собака динго, или Повесть о первой любви. М.: Сов. Россия, 1986. 160 с.
2. *Минералова И. Г.* Лиризация прозы, ее поэтизация и психологизм: о терминологической корректности и адекватности описания феномена // Синтез в русской и мировой художественной словесности: тез. науч.-практ. конф. М.: МПГУ: Литера, 2009. С. 37–42.
3. Жизнь и творчество Р. Фраермана: сб. / сост. В. Николаев, В. Фраерман. М.: Детлит, 1981. 224 с.
4. *Минералова И. Г.* Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. М.: Изд-во Лит. Ин-та им. А. М. Горького, 1999. 226 с.
5. *Паустовский К. Г.* Рувим Фраерман. URL: <https://bibliogid.ru/archive/pisateli/pisateli-opicatelyakh/672-konstantin-paustovskij-o-ruvime-fraermane?ysclid=lfh0ybu6uz702543985> (дата обращения: 11.01.2024).
6. *Фраерман Р.* Дикая собака динго, или Повесть о первой любви. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=9108&p=1> (дата обращения: 11.01.2024).
7. *Фраерман Р.* Готовы ли вы к жизни? Разговор с читателем [2 марта 1969]. URL: <https://fb2.top/dikaya-sobaka-dingo-ili-povesty-o-pervoy-lyubvi-742268/read/part-4?ysclid=lr9b3xxvnk381744106> (дата обращения: 11.01.2024).

REFERENCES

1. Fraerman R. I. *Dikaya sobaka dingo, ili Povest o pervoy lyubvi*. Moscow: Sov. Rossiya, 1986. 160 p.
2. Mineralova I. G. Lirizatsiya prozy, ee poetizatsiya i psikhologizm: o terminologicheskoy korrektnosti i adekvatnosti opisaniya fenomena. In: *Sintez v russkoy i mirovoy khudozhestvennoy slovesnosti. Proceedings of scientific-practical conference*. Moscow: MPGU: Litera, 2009. Pp. 37–42.
3. Nikolaev V., Fraerman V. (comps.) *Zhizn i tvorchestvo R. Fraermana*. Moscow: Detlit, 1981. 224 p.
4. Mineralova I. G. *Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poetika simvolizma*. Moscow: Izd-vo Lit. In-ta im. A. M. Gorkogo, 1999. 226 p.
5. Paustovskiy K. G. Ruvim Fraerman. Available at: <https://bibliogid.ru/archive/pisатели/pisатели-o-pisatelyakh/672-konstantin-paustovskij-o-ruvime-fraermane?ysclid=lfh0ybu6uz702543985> (accessed: 11.01.2024).
6. Fraerman R. *Dikaya sobaka dingo, ili Povest o pervoy lyubvi*. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=9108&p=1> (accessed: 11.01.2024).
7. Fraerman R. Gotovy li vy k zhizni? Razgovor s chitatelem [2 Mar. 1969]. Available at: <https://fb2.top/dikaya-sobaka-dingo-ili-povesty-o-pervoy-lyubvi-742268/read/part-4?ysclid=lr9b3xxvnk381744106> (accessed: 11.01.2024).

Челюканова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
e-mail: ecc.0708@mail.ru

Chelyukanova Olga N., ScD in Philology, Assistant Professor, Russian Language and Literature Department, Arzamas branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
e-mail: ecc.0708@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2024
The article was received on 13.01.2024